

REVUE DES ÉTUDES SLAVES

TOME QUATRE-VINGT-SEIZIÈME
Fascicule 4

Gombrowicz cousu d'histoire

PARIS
2025

НАРУШЕННОЕ ДЕТСТВО И РАННЕЕ МАТЕРИНСТВО У АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА. РАССКАЗ «ТАКЫР» (1934)

Giuseppina LAROCCA
Università de Macerata

МАТЕРИ И ДОЧЕРИ

Тема детства и материнства проходит через все творчество Андрея Платонова, с начала 1920-х гг. до конца его жизни. Несмотря на ряд уже важных исследований, посвященных образам материнству и сиротству¹, этот заслуживает дополнительного внимания и изучения, прежде всего для некоторых центральных рассказов Платонова 30-х гг. с пристальным фокусом на матерей и дочерей.

Среди персонажей матерей, встречающихся в его прозе, особенно выделяются героини, поддерживающие отношения со своими умершими детьми (приехавшая в деревню мать в «Мусорном ветре», 1933, в «Чевенгуре» — нищая мать и Мария Васильевна из «Взыскания погибших», 1943) и уже умершие на момент действия, но продолжающие играть важную роль в воспитании своих детей (Юлия, мама Насти в «Котловане», мать Семена в «Рассказе из старинного времени» 1936, мать «Третьего сына» 1936 и, наконец, мать из сказки «Безручка», 1950).

1. См. среди прочего следующие исследования: E. Borenstein, *Men Without Women. Masculinity and Revolution in Russian Fiction, 1917-1929*, Durham, Duke University Press, 2000, особенно гл. № 5, «Puritans and Proletarians. Andrei Platonov's Asexual Revolution, 1919-1923» (p. 191-224); И. А. Спиридонова, «Тема семьи в рассказах Платонова 1930-х гг.», «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества, ответ. ред. Н. В. Корниенко, вып. 5, Москва, ИМЛИ РАН, 2003, с. 277-290; Она же, «Метафора и метонимия в решении темы детства у Платонова (На материалы военных рассказах)», Е. И. Колесникова (отв. редактор), *Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы*, Санкт-Петербург, Наука, 2004; P. R. Bullock, *The Feminine in the Prose of Andrey Platonov*, London, Routledge, 2005, p. 407-427; И. А. Спиридонова, В. В. Сакса, «Концепт детства в повести А. Платонова “Котлован”: Проблема перевода на шведский язык», *Ученые записки Петрозаводского Государственного Университета*, ноябрь, № 7, т. 2, 2013, с. 63, 64; Е. Чернышева, «“Заготовка граждан впрок”: миф о советском материнстве и детстве в драматургии А. П. Платонова 1920–1930-х гг.», *Quaestio Rossica*, vol. 5, 2017, n° 4, p. 1073-1090; Е. А. Яблоков, *Дети и взрослые в мире Андрея Платонова*, Москва, Институт славяноведения РАН, 2021.

Иное представление о материнстве, связанном с детством, зафиксировано в рассказе «Такыр» (1934), в котором, как и в других произведениях Платонова, повторяются ключевые мотивы его поэтики — отношения полов, материнство, связи между матерями и детьми, детство, взаимодействие центра и периферии. Однако здесь они обретают новое значение благодаря нюансам, которые отличают этот текст от остальной платоновской прозы. В частности, тема детства претерпевает трансформацию по сравнению с «Чевенгуром» (1926–1928), рассказом «Песчаная учительница» (1926), а также более поздними произведениями, такими как «Котлован» (1930), «Третий сын» (1936) и «Улья» (1939).

В «Такыре» Платонов впервые создает одновременно персонажей девочек-матерей и девочек-дочек, взаимодействующих в рамках одного повествовательного пространства, и формулирует категории нарушенного детства и раннего материнства. Эта новая перспектива формируется не только на основе опыта персонажей с окраин, хорошо знакомых автору (например, благодаря поездке в Тамбов в 1920-е гг.), но и опираясь на собственный опыт Платонова в Туркменистане в 1934 г., куда он вернулся повторно в 1935-м. Не случайно, что прототип нарушенного детства появляется также в «Джане» (1934–1935) и в статье «Образ будущего человека» (1937) в истории о девочке-рабыне Фатьме.

Тема возвращается и в «Теченье времени», датированное, по реконструкции Натальи Корниенко, серединой 1930-х гг.² Будь то Средняя Азия («Такыр», «Джан», «Образ будущего человека») или Тифлис («Теченье времени»), девочки-матери оказываются в положении рабынь: то рабынь племенной системы, превращающих их в объект и собственность, то рабынь мужа, который их угнетает.

С рабством связан двойной феномен: детство отрицается и становится нарушенным (его можно назвать также «невидимым»), когда оно совпадает с ранним материнством. Образ материнства в «Такыре» также трансформируется: если во всех рассказах и романах оно всегда связано с взрослым миром, здесь оно совпадает с детским возрастом.

На основе этих предпосылок цель данной статьи — понять, как формируются и структурируются эти две категории, созданные Платоновым, и какие темы с ними связаны. В частности, будет показано, что тема памяти сохраняется, хотя и перерабатывается, а также как постепенно формируется тема свободы (не столько коллективной, сколько индивидуальной) — центральная в текстах второй половины 1930-х гг.

Первый параграф посвящен нарушенному детству в связи с материнством персонажа Заррин-Тадж (Заррин), и с сопоставлением с Айдым, девочкой из «Джана», которая не является матерью, но

2. См. Н. В. Корниенко, «Комментарии», А. П. Платонов, *Сухой хлеб: Рассказы, сказки*, сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко, Москва, Время, 2012, с. 390.

предстает рабыней и сопровождает Назара Чагатаева в его путешествии, и с Фатьмой, курдской одиннадцатилетней девочкой, впоследствии бабушкой Карагеца, главного героя повествования в «Образе будущего человека». На основе анализа Заррин будет показано, что даже память, а значит и связь с родителями и прошлым, не способна спасти молодую девушку.

Второй параграф концентрируется на дочери Джумаль, показывающей второй тип нарушенного детства, зависящего от судьбы матери, но с иными исходами. Как и в случае с Заррин, для Джумаль ключевыми остаются отношения с прошлым, воспоминания о матери и связь с землей, которую она олицетворяет. Также важно сопоставить Джумаль с Фатьмой, рассматриваемой как прототип подлинной советской героини. С этой точки зрения анализируется отношение Джумаль с каноном соцреализма.

На основе этого анализа в третьем параграфе будут сопоставлены Заррин и Джумаль с еще одним персонажем — Тамарой, матерью и дочерью в «Теченье времени», тексте, не связанном с туркменской тематикой, но с которым Платонов ведет плотный интертекстуальный диалог. Это позволит показать, как начиная с «Такыра» писатель формирует новых женских героинь в контексте детства и материнства.

ДЕВЧОНКА-ПЛЕННИЦА: АНАТОМИЯ ЗАРРИН

Для того, чтобы понять место «Такыра» в историко-литературной панораме нужно отметить, что предыстория рассказа уходит корнями в 1920-е гг., точнее к 1924 г., когда, по случаю преобразования Туркмении в советскую социалистическую республику, в республиках Средней Азии началась кампания, направленная на ликвидацию господствовавшего гендерного неравенства мусульманских женщин с тем, чтобы они могли участвовать в публичной жизни, в политической и общественной деятельности, имели оплачиваемую работу, получали образование³. Паранджа, которую советская власть считала проявлением неполноценности женщин и символом отсталости, была отменена, и в 1927 г. эта кампания женского освобождения достигла кульминации в худжуме — серии политических акций, к которым был добавлен запрет многоженства, направленный на полную эмансипацию мусульманских женщин. Это была законодательная кампания, которая не ограничивалась Туркменистаном, а распространилась на все республики Средней Азии,

3. Cp. A. L. Edgar, «Emancipation of the Unveiled: Turkmen Women under Soviet Rule, 1924-29», *The Russian Review*, 2003, Vol. 62, No. 1, p. 132-133; Она же, *Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan*, Princeton – Oxford, Princeton University Press, 2004, p. 221-223; С. А. Шерстюков, «“Большевикам пустыни и весны”: советские писатели “открывают” Среднюю Азию (1930 г.)», *Востоковедение: история и методология*, № 2, 2021, с. 116.

но в Туркменистане это законодательство сыграло более важную роль, чем в соседнем Узбекистане, где худжум, направленный на изменение статуса женщин, встретил большее сопротивление⁴. В краткосрочной перспективе худжум оказался контрпродуктивным: те самые обычаи, против которых он выступал, стали отличительными чертами местной идентичности, выступавшей против советского государства, которое воспринималось как агрессивное и репрессивное⁵. Во время поездки в Туркмению в 1934 г. Платонова поразили остатки этой «контрреволюции»⁶. В отличие от таких рассказов как «Путешествие в Туркменистан» (1932) современного ему автора П. Павленко, Платонов не ставил перед собой цели прославить политику Советского Союза, а намеревался защитить и сохранить реальность. В письме жене от 30 марта 1934 г. он написал:

Я смотрю жадно на все, незнакомое мне. <...> Если б ты видела эту великую скудость пустыни. Мне нравятся люди на станциях — киргизы. Изредка видны глиняные жилища вдалеке с неподвижным верблюдом. Я никогда не понял бы пустыни, если бы не увидел ее, — книг таких нет⁷.

Самая первая экспедиция в Туркмению в 1934 г. (Платонов не принял в ней участия, несмотря на свое сильное желание)⁸ была хорошо оценена писателем, который, как он сообщил в очерке «Горячая Арктика» (1934), считал, что местное население было готово к глубокой работе по индустриализации, имевшей, по его представлению, основополагающее значение для развития страны⁹. Однако, ситуация изменилась ко времени его участия во второй туркменской экспедиции. Обнаруженное им в Туркменистане действительное положение женщин-рабынь заставляет его понять полный разрыв между утопией *hic et nunc*, а именно — построением социалистического общества, и реальностью, особенно в провинции, где подчинение, издевательства и насилие над девочками и женщинами, самым слабым звеном общества, являются главными

4. Edgar, «Emancipation of the Unveiled: Turkmen Women under Soviet Rule, 1924-29», p. 133; она же, *Tribal Nation*, p. 234-235.

5. См. G. J. Massell, *The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919-1929*, Princeton N.J., Princeton University Press, 1974; D. T. Northrop, «Languages of Loyalty: Gender, Politics, and Party Supervision in Uzbekistan, 1927-1941», *Russian Review*, Vol. 59, No. 2, 2000, p. 179-200.

6. Платонов, *Записные книжки. Материалы к биографии*, публикация М. А. Платоновой, составление, подготовка текста, предисловие и примечания Н. В. Корниенко, 2-е издание, Москва, ИМЛИ РАН, 2006, с. 129.

7. *Архив А. П. Платонова. Книга 1. Научное издание*, ответ. редактор Н. В. Корниенко, Москва, ИМЛИ РАН, 2009, с. 504.

8. Ср. Корниенко, «Примечания», А. П. Платонов, *Записные книжки*, с. 364.

9. Платонов, «Горячая Арктика», он же, *Фабрика литературы. Литературная критика*, публицистика, сост., комментарии Н. В. Корниенко, подготовка текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой, Москва, Время, 2011, т. 8, с. 645.

чертами всего общества¹⁰. Именно в «Такыре» особое внимание уделяется положению главной героини — Заррин, чья судьба занимает место 7 из 9 глав и становится воплощением женской подчиненности и отсутствия деятельностного начала в условиях патриархальной системы. С раннего возраста она оказывается пленницей насилия — как физического, так и символического, — что обрекает ее на пассивное существование, лишенное субъективности.

Примечательно, что Заррин не проявляет открытого протеста против своего угнетателя: напротив, она принимает свою подчиненную роль как нечто само собой разумеющееся. Это подчеркивает глубину ее внутренней сломленности и степень интериоризации навязанных ей норм. Ее покорность не является следствием слабости характера, а скорее — результатом систематической травматизации, которая начинается в детстве и формирует ее как объект в чужом дискурсе власти. Таким образом, Платонов вскрывает механизмы репрессии, действующие внутри традиционного общества, и подчеркивает трагедию героини, которая через свое положение женщины, а тем более девочки, вынужденной к молчанию и зависимости, выражает состояние подчинения и рабства не только женского пола, но и человеческого бытия в целом¹¹. Она носит онтологический характер личности не способной — или не имеющей возможности — сопротивляться, поскольку система, в которую она включена, не допускает даже мысли об ином пути. Это первые шаги Платонова к более широкому размышлению, которое, в свете предыдущего опыта и непосредственного опыта в Туркменистане, сосредоточится на ценности идентичности и, прежде всего, личной свободы. «Такыр» таким образом предвосхищает большое изменение рассказов второй половины 1930-х гг., построение нового хронотопа личной жизни. Это касается и детства, тем более утраченного детства Заррин, как и Гюльчатай, Айдым, Фатьмы, от большого мира контекстов, например, в «Чевенгуре» или «Котловане» к индивидуальному микрокосмосу.

В отличие от большинства платоновских произведений в «Такыре» детство и материнство сосуществуют в одной героине. Заррин, которая прожила детство и юность, полные насилия и заброшенности, становится матерью-ребенком. Она — первый прототип в ряду последующих персонажей, представляющих собой ее дальнейшее развитие: Айдым в «Джане», рабыня, «девочка лет десяти»¹², проданная в детстве и ставшая

10. См. Платонов, *Записные книжки*, с. 141.

11. Семантика молчания в рассказах конца 1920-х — начала 1930-х гг., по мнению М. Дмитровской, рассматривается как «утрата человеком своего места в мире. Это молчание обреченности». Оно отличается от текстов предыдущего периода, в которых наоборот «молчание человека и природы — это молчание истины и смысла мира». М. Дмитровская, *Язык и мирозерцание А. Платонова*, дисс. доктора философ. наук, Москва, 1999, с. 37.

12. Платонов, «Джан», он же, *Счастливая Москва. Роман, повесть, рассказы, собрание*, сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко, Москва, Время, 2011, 2-е изд., т. 4, с. 6.

жертвой насилия Нур-Мухаммеда (хотя она не мать, разделяет с Заррин состояние рабства); Фатьма, 12-летняя девочка-наложница «Образа будущего человека»¹³, жена и рабыня богатого туркмена Сеида, затем продана другим мужчинам; и Гюльчатай, мать Назаря Чагатаева, тоже пленница, вероятно, ставшая матерью еще в детстве, хотя ее возраст точно не указан (она только «молодая жена Кочмата») ¹⁴. Несмотря на то, что героини соответствуют патриархальной туркменской традиции¹⁵, существует значительная разница между Заррин и всеми другими упомянутыми протагонистками, а именно рабство Заррин приводит ее к «полной деморализации»¹⁶. Как часто бывает у некоторых персонажей Платонова, Заррин — калейдоскопическая героиня. Она представляет собой нарушенное детство и раннее материнство, но одновременно олицетворяет мир патриархальных ценностей, который стал причиной того, что она переживает. Однако ее недоразвитая эмансипация удерживает ее в этой реальности, не дает никакой возможности жить другой жизнью. Изображение трагичности Заррин является результатом первой встречи Платонова с туркменским обществом, его первого разочарования, когда он увидел, что за пределами городских центров все еще существует рабство и все, что с этим связано, включая детство и материнство, а также отсутствие каких-либо средств, позволяющих освободиться от такого положения¹⁷.

Реальность, свидетелем которой стал Платонов, оказалась далека от ожидаемых результатов реформ, начатых после 1924 г. Попытка женской эмансипации встретила большое сопротивление в туркменском обществе, особенно в сельской местности и среди бедных слоев населения, которые выступали против любых форм гендерной реформы¹⁸. Можно пойти и дальше, если принять во внимание утверждение известного исследования Грегори Массела, согласно которому советский режим рассматривал мусульманок Средней Азии как своего рода «суррогат пролетариата»¹⁹. С другими словами они были политическим и символическим средством для ускорения революционного процесса в условиях отсутствия «классического» промышленного рабочего класса. Однако, как отмечает Массел, советская власть рассматривала женский вопрос в Средней Азии не как личное освобождение самих женщин, а как революционное явление, призванное дестабилизировать

13. Платонов, «Образ будущего человека», он же, *Фабрика литературы*, с. 143.

14. Платонов, «Джан», с. 122.

15. См. об этом К. Livers, «Scatology and Eschatology: The Recovery of the Flesh in Andrei Platonov's *Happy Moscow*», *Slavic Review*, Vol 59, No. 1, Spring, 2000, p. 155.

16. Платонов, *Записные книжки*, с. 141.

17. См. также письмо к жене от 12 апреля 1934 г., *Архив А. П. Платонова. Книга 1*, с. 508.

18. Ср. Edgar, *Tribal Nation*, p. 222.

19. Massell, *The Surrogate Proletariat*, p. XXIII.

традиционную семью и общество²⁰. Платонов этих лет не рассматривает туркменское общество с революционной точки зрения, а наблюдает его глазами того, кто видит глубокую человеческую трагедию и, прежде всего, состояние рабства, с которым связано прерванное, невидимое детство, то есть опыт, невидимый обществом, тем более советским, не развивающийся полностью из-за угнетения, эксплуатации и насилия. Вся это чувствительность изображается в персонаже Заррин, в ее невидимом детстве. Но несмотря на положение пленницы, протагонистка сохраняет некоторые элементы детской чистоты (как Айдым)²¹. В первой части рассказа она выражает гармоничное изумление, и типичную ее годов невинность, что сохраняет ей жажду жить²². По мере ее роста и взросления чары тускнеют, и Заррин «начала отвыкать от своих интересов и от самой себя»²³. Характер Заррин представлен через воспоминания о раннем детстве, то есть с шести лет, когда маленькая девочка уже живет в положении рабыни и принадлежит хозяину, личность которого не раскрывается (что в любом случае является второстепенным для целей характеристики персонажа)²⁴. В данном случае обращение к памяти, которая в платоновской поэтике могла бы приносить спасение и утешение персонажам, особенно детям²⁵, оказывается совершенно бесполезным: прошлое Заррин отсутствует, как и воспоминания о ее родителях, которые, вероятно, не умерли, но отдали или продали ее. Ее личность показана лишенной идентичности, что запускает ее путь к утраченной детству. Эта черта отличает Заррин от других поздних сирот Платонова в рассказах «Юшка» (1936), «Третий сын» (1936) или «На заре туманной юности» (1938), ибо ее память о родителях не подпитывает ее, не придает ей сил, а порождает тотальное безразличие, неспособность смотреть в будущее, питать какие-либо надежды²⁶. Не только это. К состоянию отсутствующего прошлого и полного уничтожения личности добавляется еще одна трагедия персонажа: Заррин даже не видит своего будущего, не представляет его, так же как не воображает своей эмансипации, в отличие от Фатмы из «Образ будущего человека», которая «хотела быть свободной и существовать как личный, отдельный человек»²⁷. Наоборот, Заррин закрыта и застряла в настоящем, полном

20. Там же, р. 128-182.

21. См. Платонов, «Джан», с. 144.

22. Платонов, «Тақыр», он же, *Счастливая Москва. Роман, повесть, рассказы*, сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко, Москва, Время, 2011, 2-ое изд., т. 4, с. 294.

23. Там же.

24. Там же, с. 292.

25. См. Н. Власова, «Будущее на грозовом перевале истории: недетский “детский” рассказ “Июльская гроза”», «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества, вып. 8, 2017, с. 294, 295; Х. Гюнтер, «От безотцовщины к “отцу народов”», он же, *По обе стороны утопии. Контексты творчества А. Платонова*, Москва, НЛО, 2012, с. 66-75.

26. Платонов, «Тақыр», с. 292, 293.

27. Платонов, «Образ будущего человека», он же, *Фабрика литературы*, с. 144.

рабства. Это отношение недоверия и инерции жизни иметь влияние также на ее материнство. Характеристика тела и телесности у девчонки представляет собой прием, изображающий масштабно господство над личностью, злоупотребление властью над человеком. Снова, в «Записных книжках» 1934 г., Платонов отмечает:

Печаль Туркмении –
нелюбовь <...>

Оч<ень> важно

Женщина в Туркм<ении> лишь символическое место социально-хозяйственных страстей, а не сама по себе драгоценность; она условный узел общественных битв. <...>

Важнейшая тема:

Туркменка, которая никогда не любила и не могла любить по условиям жизни, – человек абсолютно без любви, сердце которого все время сжимали, мертвили, давили, – трагедия совсем другого порядка, чем обычно, – мирового типа²⁸.

Наиболее ощутимым последствием рабства, которому подверглась Заррин, является то, что оно сделало ее «человеком абсолютно без любви», даже в ее материнстве. Персонажи ее современники и представители социалистического реализма ведут себя иначе. Если взять, например, Марию Яковлевну, мать Павла Корчагина, и Антонину Васильевну, мать Сережи из «Как закалялась сталь» (1934), хотя их условия различны, героини переживают материнство как заботу, жертву и преданность детям и мужьям²⁹. Заррин же не является носителем этих ценностей, она разрывает канон жертвы, семейной гармонии и также разрушает модель большой семьи, которая должна была воспитывать молодежь для создания граждан будущего³⁰. Ее голос всегда одинок, обособлен и контрастирует с хоральностью других рабынь, которые действуют

28. Платонов, *Записные книжки*, с. 136, 138.

29. См. эмблематичный и полный пафоса фрагмент в «Как закалялась сталь», когда Мария Яковлевна обнимала своего сына Павла и «не могла говорить от радости неизмеримой <...> . Счастье опять заблестело в глазах измученной женщины, и мать все эти дни не могла наговориться, на смотреться на сына, увидеть которого она уже и нечаяла». Н. Островский, *Как закалялась сталь*, он же, *Собрание сочинений*, т. 1, 1955, с. 196. Отрывки, в которых выражаются забота и переживание для сыновней многочисленности. См. там же, с. 62, 63, 75, 154. Литература о данной тематике широкая. Можно сослаться на Victoria E. Bonnell, *Iconography of Power: Soviet Political Posters and Lenin and Stalin*, Berkeley – Los Angeles – London University of California Press, 1997, p. 100-135; Susan E. Reid, «All Stalin's Women: Gender and Power in Soviet Art of the 1930s», *Slavic Review*, 1998, Vol. 57, No. 1, p. 133; K. Livers, *Constructing the Stalinist Body. Fictional Representations of Corporeality in the Stalinist 1930s*, Lanham, Lexington Books, 2004, p. 6, 31; S. Ramm-Weber, *Mit der Sichel in der Hand. Mythos und Weiblichkeit in der sowjetischen Kunst der dreißiger Jahre*, Köln – Weimar – Wien, Böhlau, 2006, p. 50-71; L. Kaganovsky, *How the Soviet Man was Made. Cultural Fantasy and Male Subjectivity under Stalin*, Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2008, p. 154-174; A. E. Moss, *Only Among Women. Philosophies of Community in the Russian and Soviet Imagination, 1860-1940*, Evanston, Northwestern University Press, 2020, p. 147-192.

30. И по теме большой семьи литературы существует весьма много. См. например К. Clark, *The Soviet Novel. History as Ritual*, Third Edition, Bloomington – Indianapolis, Indiana University Press, 2000, p. 114-135. Спиридонова, «Тема семьи в рассказах Платонова 1930-х гг.», с. 277-290.

группой: они оплакивают свою судьбу (Заррин плачет не вместе с остальными, а в одиночестве)³¹, тем самым подвергаясь еще большему насилию³². Вот почему в жизни племени Заррин играет ведущую роль, она изображается как героиня, отличающаяся от группы, и выделяется среди прочих добротой и чистотой сердца. Она не реагирует на насилие, которому подвергаются другие жены, ослабляя эту систему, в которой все они являются жертвами³³. Этот прием типичен для Платонова, который, как и в других произведениях, предлагает эмпатическое повествование, в котором рассказчик глубоко погружается в эмоциональную точку зрения персонажей через внутреннюю фокусировку. Цель состоит в том, чтобы вывести на первый план судьбы, в данном случае – судьбу рабыни-девочки как парадигму участи любого человека, оказавшегося в плену.

Поворотным моментом в повествовании становится описание тела Заррин на переходе от ребенка к матери в условиях жизни, остающихся нечеловеческими. С самого начала тело представлено не как тело маленькой девочки, а как тело «беременной второй месяц»³⁴, принужденное к насилию, изношенное, скелетное, даже когда она ждет Джумаль³⁵. Заррин более не в состоянии удовлетворять потребности и желания своего хозяина³⁶, ее тело постепенно слабеет, и она все больше теряет себя, отвечая на насилие и рабство уничтожением своей личности, она больше не осознает себя. Идет процесс ее деперсонализации и «бессубъективности»³⁷, девушка в конечном итоге подчиняется всем желаниям мужа. Но тут Платонов выстраивает для Заррин еще более жестокое психологическое испытание для того, чтобы продемонстрировать, насколько патриархальная культура — глубоко укоренившееся явление, которое трудно разрушить исключительно средствами революции или законодательства, как это сделала советская власть с хундзумом в 1920-х гг. в Средней Азии. Насилие парадоксальным образом создает у Заррин зависимость, и если несколько лет назад она говорила себе, что ей нужно будет кого-то полюбить, то теперь она испытывает «травму предательства» (*betrayal trauma*)³⁸, необходимость оставаться привязанной к своему палачу, который всегда, в ее восприятии подвергшегося насилию ребенка, как будто бы «заботился» о ней. В эпизоде, где происходит сексуальный акт между ней и Атах-бабой, Заррин прогоняет Джумаль и австрийского солдата Стефана Катигроба,

31. Платонов, «Такыр», с. 291.

32. Там же, с. 293.

33. Там же.

34. Там же, с. 291.

35. Там же, с. 295.

36. Там же.

37. Ср. Яблоков, *Дети и взрослые в мире Андрея Платонова*, с. 151.

38. См. J. J. Freyd, *Betrayal Trauma. The Logic of Forgetting Childhood Abuse*, Cambridge – London. Harvard University Press, 1996, p. 9-10.

ставших свидетелями сцены насилия³⁹. В этом эпизоде Платонов становится на точку зрения Джумаль, которая, и видя свою мать жертвой насилия, следует за Катигробом и отвечает впоследствии на страдания искуплением. Джумаль, несмотря на свое травмированное детство все же вступает на путь эмансипации, чего сама Заррин не смогла сделать, не смогла преодолеть травму рабства и насилия. С другой стороны, развитие самосознания Джумаль — единственное завоевание для Платонова. Девушка, в связи с отсутствием материнской привязанности жаждет искупления, «она теперь почувствовала, что ей настала пора жить одной, с нею нет никого, даже мать живет отдельно от нее — своим сердцем и своей не волей»⁴⁰. Джумаль — потенциальная социалистическая героиня, поскольку стремится к независимости и самоутверждению, но Платонов изображает ее в процессе развития, в котором неизбежны были отношения с прошлым и прежде всего с матерью. Несомненно, писатель хочет воспроизвести реального персонажа, прототипа лиц, встречающихся на улице⁴¹ и развивает мысль о том, что Джумаль может произвести революцию в своем будущем. Маленькая девочка поможет Красной Армии победить бая Атах-бабу, но, как мы увидим в следующем параграфе, то, что отличает ее от других героинь и вообще персонажей соцреализма, — это то, что она остается связанной с родной землей, которой захочет отдать дань уважения, когда вырастет. Именно связь с прошлым делает ее уникальной и, хотя и с определенными новыми чертами, связывает со всеми другими детьми и подростками Платонова.

ДЖУМАЛЬ: СОВЕТСКАЯ ГЕРОИНЯ?

В письме к жене и сыну от 20 января 1935 г. из Ашхабада Платонов пишет: «Виделся сейчас только с Рабиновичем и некоторыми другими (писателями). «Такыр» они очень одобряют, но, по-моему, не вполне (и далеко не вполне) понимают его»⁴². Платонов осознавал, что его попытка описать Туркмению иначе, чем в триумфальной советской репрезентации, не будет понята. И, как показывает содержание письма, не будет понята потому, что, в отношении Джумаль, она только формально воплощает в себе все ценности нового советского общества. Обретение свободы благодаря борьбе большевиков, осознанию персонажей, их героическим поступкам и жертве — типичный прием социалистического реализма⁴³.

39. Ср. Платонов, «Такыр», с. 299.

40. Там же.

41. Платонов, *Записные книжки*, с. 145.

42. Платонов, *Архив*, Кн. 1, 2009, с. 516.

43. См. Clark, *The Soviet Novel. History as a Ritual*, p. 138-140; она же, «Socialist Realism with Shores: The Conventions for the Positive Hero», E. Dobrenko, T. Lahusen (eds. by.), *Socialist Realism Without Shores*, Durham – London, Duke University Press, 1997, p. 27-50; E. Dobrenko, *Political Economy of Socialist Realism*, trans. by J. M. Savage, New Haven – London, Yale University Press, 2007, p. 215-254.

Это произошло с Пелагеей, матерью Павла Власова в «Матери» Максима Горького, и самим Павлом, а также с Павлом Корчагиным в «Как закалялась сталь». В отличие от этих персонажей в характере Джумаль наоборот сосуществуют два элемента, которые показывают, насколько сильно маленькая девочка отличается от канонических персонажей, утверждаемых соцреализмом. Во первых, ее путь к эмансипации независим от прибытия большевистских армий и ее связь с ‘варварским’ прошлым не полностью разорвана. Как и Заррин, Джумаль начинает с состояния нарушенного детства, так как подвергалась крайней нищете, рабству, насилию над матерью и ее преждевременной смерти. Однако, в отличие от Заррин, Джумаль восстает при первой попытке насилия, убивает Оду-Кару и убегает, и, таким образом, по видимости, достигает полной эмансипации и приобретает черты положительного персонажа. С этой точки зрения Джумаль очень похожа на персонажа курдской пленницы одиннадцати лет Фатьмы из рассказа «Образ будущего человека» (1937), которая жаждет свободы, восстает против рабства, завоевывает независимость и содержит «характерную черту будущего человека»⁴⁴. Фатьма воплощает все ценности социализма, не оглядывается назад, не сомневается в своем будущем. Тем не менее, она является представителем полностью ‘платоновского социализма’, в котором в центре стоит вопрос свободы и индивидуальности, а не столько коллективного⁴⁵.

Во вторых, отличительная черта Джумаль не поиск свободы в узком смысле. Ее положение потенциальной советской героини меняется в последней, девятой главе, которая занимает всего несколько страниц, но является определяющей для понимания двойственного облика ее персонажа и ее отношения к прошлому. Желание девушки вернуться в места детства на первый взгляд кажется исключительно профессиональным, обусловленным экспериментальной работой в глубокой пустыне Каракумов. Однако остается сомнение, действительно ли это желание не скрывает чего-то более глубокого, личного. Поездка к такыру связана с поиском Стефана Катигроба, символом той любви⁴⁶, которую Джумаль ранее никогда не переживала полноценно. Поиск любви приводит ее к могиле Заррин и к осознанию значимой роли матери в судьбе девушки, а это может означать, что эмоциональная зависимость от матери и связанных с ней воспоминаний навсегда определила способность Джумаль к любви и восприятию прошлого. Если для Заррин нарушенное детство трагически уничтожило ее личность, то для Джумаль оно стало источником чего-то иного. Оно порождает в Джумаль привязанность. Несмотря на физическую и эмоциональную неспособность Заррин выразить свое

44. Платонов, «Образ будущего человека», с. 145.

45. Там же, с. 144.

46. Ср. Яблоков, *Дети и взрослые в мире Андрея Платонова*, с. 143.

материнство, Джумаль чувствовала к ней огромную любовь. Эта любовь была настолько велика, что подтолкнула Джумаль к желанию совершить жертвенный акт, Джумаль хотела бы умереть вместе с Заррин⁴⁷. Внутренняя связь девушки с матерью позволяет сохранить память о женщине даже после ее смерти, и когда Джумаль вырастает, она выбирает фамилию Таджиева в честь своей матери. Если бы она была настоящей советской героиней, ей пришлось бы отречься от Заррин, как символа прошедшего варварского мира. Желание любви, которое проявляется через воспоминания, сильнее любых других ценностей. В связи с умершей матерью перед возвращением на такыр, совершает действие, полное глубокого символического значения. Джумаль надевает «персидское черное платье»⁴⁸ вопреки новым советским законам для Средней Азии. Подобное переодевания повторяется и в других рассказах Платонова («Рассказ из старинного времени» 1936 г., например) и всегда бывает связано с определенными моментами жизни детей/подростков, главным образом с переходом их из детского или подросткового возраста, в мир взрослых. Но шаль, которой Джумаль покрыла голову, знаменует собой не переход от детства к взрослой жизни, а, напротив, возвращение взрослой женщины к своему детскому нецивилизованному прошлому, которое главная героиня не намерена отрицать, даже если оно является эмблемой нецивилизованной жизни. Цель девушки — открыть свое прошлое, исследовать, понять его, осознать. В конце рассказа Платонов раскрывает истинный замысел Джумаль — обнаружить и добраться до материнской могилы⁴⁹. Героине для того, чтобы по-настоящему усвоить прошлое, необходимо совершить это путешествие: девушка должна вернуть себе личность, принадлежавшую ей до ее побега, и символизировать черным персидским платьем, исполнить до конца свою роль дочери и отдать дань уважения памяти матери. Однако это переодевание несет в себе еще один аспект, раскрывающий двойственную природу Джумаль. Помимо освобождения от «своей европейской кофты и юбки» а значит, и от своей новой идентичности советской женщины, Джумаль, изображенная «верхом на лошади» и обнаруживающая сходные черты с Александром Двановым из «Чевенгура»⁵⁰, предстает скифской амазонкой⁵¹. Недаром уже в детстве Джумаль проявила боевой дух, когда убила своего хозяина кинжалом. Воспроизводимый образ двойственен: с одной стороны, женщина, героиня современности, утвердившаяся в новом обществе, с другой, — женщина в поисках своего происхождения,

47. Там же, с. 303, 304.

48. Там же, с. 308.

49. Там же, с. 310.

50. Там же, с. 143.

51. См. Т. В. Мирошина, «Амазонки у сарматов и проблема матриархата», *Проблемы скифо-сарматской археологии*, отв. ред. А. И. Мелюкова Ин-т археол., Москва, АН СССР, 1990, с. 159-176; В. И. Гуляев, *Скифы: расцвет и падение великого царства*, Москва, Алетейя, 2005, с. 63-98.

с которым она не боится столкнуться, охваченная духом войны: на своей лошади «она поехала по такыру кругом»⁵², то есть прочесала территорию по обычаю амазонок⁵³. Эти два разных измерения, которые сосуществуют в одном характере, показывают, что прошлое и память играют решающую роль в формировании Джумаль не только как девчонки, но как прототипа человека вообще, даже если советская культура стремится избавиться от ‘варварства’ прошлого. Если идея соцреализма заключалась в том, чтобы заменять один объект другим, непрерывно создавать новый символический капитал здесь и сейчас и ликвидировать дореволюционное наследие⁵⁴, возникает сомнение в том, что Джумаль отвечает вполне данный образец. В заключительной сцене описываются три кресты и серый стебель — явный символ воскресения. А тут повторяется федоровская тема, не связанная уже с утопией 1920-х гг., а с реальным состоянием личности, с неизбежностью смерти, принимаемой теперь действующими лицами, с цикличностью жизни и у корней человечества. Для того, чтобы теперь сосредоточить внимание на человеке, Платонов заимствует у Федорова необходимость искать эту идентичность в Средней Азии, в первозданности народов, населявших эти территории, и в их чистоте⁵⁵. И именно так Платонов строит альтернативу, «косвенную форму ответа» («an oblique form of response»)⁵⁶, советскому режиму. Типичному для советской идеологии антропоцентризму, в итоге ведущему к реализации утопии⁵⁷, Платонов противопоставляет духовность своих персонажей, выявляет глубокую истину, кроющуюся в досоветских корнях. Провал социалистического проекта очевиден, он предстает в изображении провинции Туркменистана, остающейся разрушенной, заброшенной, необитаемой и после революции. И здесь Платонов продолжает использовать прием бинарного и явно контрастного изображения. Обещанная эмансипация произошла только в городском пространстве⁵⁸, образ предместья, в котором жили Джумаль и Заррин, неоднозначен:

52. Платонов, «Такыр», с. 309.

53. См. A. Mayor, *The Amazons: Lives and Legends of Warriors Women across the Ancient World*, Princeton, Princeton University Press, 2014, p. 52-53.

54. Cp. Dobrenko, *Political Economy of Socialist Realism*, p. 5-6, 13, 25.

55. Cp. с тем, что пишет Федоров в «Философии общего дела»: «Но в Средней Азии забыть это вопрос нельзя, ибо это вопрос о самой пустыне, о существовании пустыни, о пустыне, существующей не по воле благого Бога, а бессилию и бездеятельности знания человеческого, освящаемых фаталистической религией Ислама. <...>». Н. Ф. Федоров, *Собрание сочинений в четырех томах*, 1995, т. 3, с. 208. См. также Корниенко, «Примечания», А. П. Платонов, *Записные книжки*, с. 374; K. Holt, *The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Literature and Film, 1921-1935* [PhD Dissertation], Columbia University, 2013. p. 225-226; T. Lane, *Andrey Platonov. The Forgotten Dream of the Revolution*, Lanham – Boulder – New York – London, Lexington Books, 2018. p. 103-105.

56. T. Seifrid, «Platonov's Blindness», *Urbandus Review*, Vol. 14: *Andrei Platonov: Style, Context, Meaning*, 2011/2012, p. 296.

57. Cp. N. Skakov, «Soul Incorporated», *Slavic Review*, Vol. 73, No. 4, Winter 2014, p. 777.

58. Cp. Он же, «Introduction: Andrei Platonov, an Engineer of the Human Soul», *Slavic Review*, Vol. 73, No. 4, Winter 2014, p. 722.

он отрицателен, потому что несет с собой беспорядок и насилие, но и положителен по своей природе и пейзажам, неоднократно упомянутым в письмах к жене 1934 г. и в записных книжках⁵⁹. Незагрязненная природа детства Заррин и Джумаль, то есть — пустыня Центральной Азии, присутствует в очерках-статьях 20-х гг.⁶⁰ и как «прародина человечества»⁶¹, приобретает в рассказе, как и в «Джане», значение утраченной сакральности. Для Платонова пустынныйность этой колыбели подчеркивает не просто разрыв между мифическим началом времени и настоящим, когда связь между людьми утрачена, но и трагедию человеческой истории, в которой первоначальное единство постепенно распалось⁶². В его восприятии мифическое время — это эпоха, когда природа и человек находились в гармонии, а общность людей была естественным условием существования. Настоящее же предстает как момент исторической изоляции, когда ландшафт хранит память о прошлом, но уже не является живой средой общения и совместной жизни. Таким образом, пространство становится символом утраченного времени⁶³, а пустынныйность — метафорой духовного и социального опустошения.

СРАВНЕНИЕ МАТЕРЕЙ И ДОЧЕРЕЙ

Персонажем, появившимся в одни годы с «Такыром» и имеющим много общих черт и с Заррин, и с Джумаль, является молодая Тамара из рассказа «Теченье времени»⁶⁴. В произведении прослеживаются четыре женские судьбы, связанные узами поколений — матери и дочери. Сюжет разворачивается, начиная с дореволюционного Тифлиса, и заканчивается в Москве в 1934 г. Действие каждого из рассказов происходит в разных местах, в «Такыре» — вдали от крупных городов, в «Теченье времени» — в Тифлисе. Структура последнего имеет много сходства с «Такыром»: ребенок-мать, принужденная к браку, избита и оплодотворена своим супругом (всегда старше ее) против ее воли. Вновь история описывает ту же драму, что и в «Такыре»; опять детство и материнство сходятся вместе в одной героине и опять же детство определяется нарушенным и материнство раннем. Отношения между Тамарой и ее матерью, — (тоже Тамарой), как и в «Такыре» — между Джумаль и Заррин, очень схожи: Тамара, как и Джумаль, готова пожертвовать собой ради любви к своей матери. Если Джумаль была готова умереть вместе с Заррин, то Тамара

59. См. Платонов, *Записные книжки*, с. 128, 129, 133-137; Корниенко, «Примечания», А. П. Платонов, *Записные книжки*, с. 503-504, 507.

60. См. Корниенко, «Примечания», А. П. Платонов, *Материалы к биографии*, с. 368.

61. Там же, с. 374.

62. См. Платонов, *Записные книжки*, с. 137.

63. См. Skakov, «Ekphrastic Metaphysics of “Dzhan”», *Ulbardus Review*, Vol. 14: *Andrei Platonov: Style, Context, Meaning*, 2011/2012, p. 296.

64. Е. А. Яблоков находит сходство между Джумаль и Марией Нарышкиной, а также подвижницей Надеждой Босталоевой. Яблоков, *Дети и взрослые в мире Андрея Платонова*, с. 143.

говорит о готовности выйти замуж для того, чтобы спасти свою жизнь и жизнь своей матери⁶⁵. Хотя Тамара и живет в тех же рабских условиях, что и Заррин, но характером она отличается от персидской пленницы и больше похожа на Джумаль; так же восстает против своего мужа, имя которого Платонов намеренно не упоминает; личность мужчины не важна, важно, что он «старик», какими были старые Атах-баба и Ода-Кара. Отсюда – представление о допустимости насилия о женщине как простом объекте удовольствия, для своего хозяина, типичные для патриархального общества. Мужчина в этом обществе — будь то Атах-баба, Ода-Кара или муж Тамары, — часто характеризуется чертами, которые связывают его со зверем, с первобытными импульсами, то есть обнаруживая двойственность «человеческого» и «животного», описанные Платоновым в других рассказах как «Джан»⁶⁶. Первая попытка Тамары восстать против мужа представляет собой не столько «недопустимость желания»⁶⁷, сколько проявление инстинкта выживания маленькой девочки, уже осознающей себя, но еще недостаточно сильной для того, чтобы отвергнуть мужчину⁶⁸. Однако эмансипации в этот момент повествования произойти еще не может; Тамара слишком мала, как она об этом сама заявляет, осознание своего взросления придет через материнство (в отличие от того, как это происходит с Заррин) и через изменения собственного тела, которое в силу очень юного возраста девочка изначально не принимает, плачет и борется «с невидимым страшным существом»⁶⁹; ей хочется еще прожить свое детство. В отличие от Заррин, для которой материнство (кроме нескольких мгновений), вызывает чувство полного безразличия, у Тамары материнство становится основополагающим в развитии ее личности. Именно материнство и ответственность перед дочерью тоже Тамарой толкают Тамару-мать на то, чтобы отказаться от мужа-хозяина, который избивает ее и пытается убить⁷⁰.

Стремление защитить себя и дочь толкает Тамару на поиски другой жизни — в городе, в Москве. Тем самым в центре второй части повествования возникает уже известная для русской литературы тема перемещения героини из деревни в город, что у Платонова, находит законченное выражение в рассказе «Среди животных и растений» (1936). Даже в «Такыре» побег в город рассматривается как средство спасения. Однако имеется различие между путешествиями, совершенными в «Такыре», и в рассказе «Теченье времени». В первом рассказе путешествие совершено

65. Платонов, «Теченье времени», он же, *Собрание сочинений в 8 т.*, т. 6, *Сухой хлеб. Рассказы, сказки*, сост., подготовка текста, комментарии Н. В. Корниенко, Москва, Время, 2012, с. 14.

66. См. Skakov, «Soul Incorporated», p. 773.

67. E. Naiman, «Andrej Platonov and the Inadmissibility of Desire», *Russian Literature*, XXIII, 1988, p. 319-320.

68. Платонов, «Теченье времени», он же, *Собрание сочинений в 8 т.*, т. 6, *Сухой хлеб*, с. 15.

69. Там же, с. 16.

70. Там же.

только Джумаль, а во втором Тамара-мать и Тамара-дочь уезжают в поисках свободы вместе. Описывая пути освобождения обеих героинь, Платонов во втором случае — с Тамарой и ее дочерью — добавляет еще одну существенную черту. Тамара-мать проходит путь эмансипации: как бы в два этапа. На первом она из детского возраста входит во взрослый мир, на втором — превращается в женщину, которая находит в себе смелость сбежать от мужа вместе дочерью, чтобы начать новую жизнь. Опять же, этот процесс эмансипации не символизирует достижение коллективной свободы, а сосредоточен на индивидуальной истории, на микрокосмосе⁷¹. Тамара-дочь, как и ее мать, осознала несправедливость рабской зависимости от другого человека, то есть впитала идею эмансипации, она полностью является частью социалистической утопии⁷² и, как и ее мать, обучившись, получила профессию. Однако, в отличие от матери, «она жила в одно будущее», не помня «ничего из погасшей ранней памяти»⁷³. Получается, что Тамара-дочь представляет результат процесса эмансипации во втором поколении, и она — эмансипация — дается ей проще и легче, чем матери⁷⁴.

Процесс эмансипации дает автору возможность выйти за пределы узко сформулированного «гендерного вопроса» и рассматривать проблему в более широком философском и культурном контексте. Платонов обращается к теме освобождения не только как к борьбе женщины за равноправие, но и как к универсальному стремлению личности преодолеть любые формы внешнего давления — будь то социальные стереотипы, традиционные роли или политические догмы. Такое расширение перспективы позволяет ему вступить в полемику с идеологией, которая в рамках социалистического реализма часто принимала форму народной мифологии⁷⁵. Эта мифология, призванная утверждать оптимистическую картину «нового человека», фактически нивелировала сложность человеческой личности, подчиняя ее образцы поведения идеологическим задачам.

Для Платонова же приоритетом становится выявление внутреннего ядра человека — его неповторимой индивидуальности, устремленной к поиску собственного пути и собственной свободы. Он исследует, как этот поиск может продолжаться и развиваться даже в условиях жестко заданного историко-политического контекста, который стремится

71. Ср. Г. Гюнтер, «Любовь к дальнему и любовь к ближнему», *«Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества*, вып. 4, 2000, с. 305; Спиридонова, «Тема семьи в рассказах Платонова 1930-х гг.», *«Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества*, вып. 5, 2003, с. 277, 280.

72. Ср. Спиридонова, «Тема семьи в рассказах Платонова 1930-х гг.», с. 280.

73. Платонов, «Теченье времени», с. 18.

74. См. Гуляев, *Скифы: расцвет и падение великого царства*, с. 99.

75. Ср. Х. Гюнтер, «Соцреализм и утопическое мышление», Е. Добренко, Х. Гюнтер (под ред.). *Соцреалистический канон*, СПб., Академический проект, 2000, с. 45.

контролировать не только общественную жизнь, но и сферу личного, интимного, духовного. В этом смысле эмансипация в этих рассказах и вообще в его поэтике 30-х гг. становится не только социальным или гендерным феноменом, но и способом утверждения универсального права человека на самоопределение, память и внутреннюю независимость.

ВЫВОДЫ

Как и в тамбовском опыте 1926 г., в Туркмении Платонов понимает, что разрыв неравенства между центром и периферией становится еще более обширным, и сейчас, в 30-е гг., сталинизм не остановит эту динамику и не исправит ее. Навязанные сверху, ускоренные процессы самоопределения, подгоняемые реформами 1920-х гг., не решили глубоко укоренившихся культурных проблем туркменских женщин, в первую очередь таких как психологическое подчинение мужу/хозяину. Платонов выводит два типа женщин не в противопоставлении их друг другу, а в их преемственности. Заррин является плодом патриархального туркменского общества и таким образом легитимирует его, но она все же, как выше сказано, отличается от других рабынь; она одинока, не вписывается в группу. Джумаль, которая, по сюжету рассказа, должна олицетворять советское будущее, не стирает свое прошлое, а питается им, ведет с ним диалог, она возвращается на родину даже после того, как влилась в ряды образованных советских женщин. Наконец, Тамара оказывается на середине этого пути, поскольку она рождена в обществе, в котором она покорна и находится под постоянным контролем, но ей удается освободиться от него и обеспечить будущее для своей дочери.

В образе всех героинь сосуществуют два противоположных мира: прошлый, «старый» порядок, который сам по себе амбивалентен (варварский и нецивилизованный, но глубоко созерцательный по своей природе), и нынешний мир социализма, который дает возможность хоть и не полного искупления. Путь их обучения и сама память Джумаль и Тамары позволяют главным героиням ослабить боль прошлого и, не забывая о ней, принять и преодолеть ее. Обе понимают как дочери, а в случае Тамары — и как мать, что сохранение памяти позволяет прожить новую жизнь, не разрушая старую, постепенно заменяя ее в осознанном процессе проживания. Для Заррин, Джумаль и Тамары переход от детства ко взрослой жизни и материнству совершается за короткий промежуток времени. Заррин — единственная, кто гибнет, не завершив процесса самоопределения. Но тем не менее ее чтит и уважает дочь.

Начиная с «Такыра», нарушенное детство и раннее материнство ставят фундаментальные вопросы о свободе личности, выявляя не только жестокость туркменского патриархального общества, но и неспособность

советской власти исправить этот глубокий разрыв, который сохранялся и в тридцатые годы, когда Платонов совершал свою первую поездку. Нарушенное детство позволяет писателю вернуться к измерению памяти: пережитая травма и боль не могут быть просто забыты или проигнорированы. Напротив, они обретают смысл и возможность осмысления только через воспоминание, которое становится средством понимания и осмысления самого себя. Память таким образом выполняет катартическую и рефлексивную функцию: она позволяет превратить страдание в опыт, дать голос тому, что иначе осталось бы скрытым, и построить мост между травматическим прошлым и сознанием настоящего.

В этом смысле тема нарушенного детства неизбежно переплетается с темой раннего материнства: оба опыта влияют на свободу и формирование личности, но оба могут быть поняты и преобразованы только через процесс памяти и размышления, что делает возможным повествование и превращение боли в культурный и личный опыт. Именно поэтому красной нитью, объединяющей героинь «Такыра», «Теченья времени» и также Фатьму, как будущих персонажей Платонова, является выраженное писателем в конце рассказа «Теченье времени» наблюдение: «если разум обращался в будущее, то чувство могло возвращаться в прошлое, все более удаляющееся, жалкое, как свет лампы перед слепнувшими глазами»⁷⁶.

giuseppina.larocca@unimc.it

76. Платонов, «Теченье времени», с. 18.